А. А. Селин

Социальная динамика малых групп в шведско-русском приграничье после 1617 г.[1]

Новгородское общество, каким оно сложилось в XVI в., претерпело серьезные изменения в годы Смуты: падение численности, упрощение структуры, выражавшееся в сближении отдельных страт служилого сословия, изменение соотношения численности служилого люда и крестьян (в пользу первых) – вот основные тенденции, характеризующие социальные трансформации в годы политического кризиса начала XVII в. Возникшая в результате Столбовских договоренностей и проведенная в 1617-1621 г. новая граница на Северо-Западе создала новые факторы, влиявшие на социальные изменения. Если крестьянское население на территории отошедших к Шведскому королевству уездов в целом сохранило свой статус, то различные категории служилых и посадских людей коснулись серьезные статусные изменения.

Хорошо исследован вопрос о т. н. «байорах» - присягнувших шведской короне бывших московских подданных, в течение XVII в. вошедших в состав формировавшегося шведского дворянства. Лучше всего вопрос рассмотрен в работах Дж. Линда и А. Пересветова-Мурата[2]. Однако, несмотря на малочисленность этой группы, подчеркну, следующие особенности развития отдельных служилых страт внутри нее. Как правило, наиболее известна судьба двух категорий байоров: 1) потомков дворян и детей боярских, перешедших на шведскую службу в последние годы Ливонской войны и после нее (Барановы, Розладины) и 2) потомков преимущественно новгородских дворян, оказавшихся на шведской стороне после 1617 г. (Чеботаевы-Аполловы, Аминевы, др.). В настоящей статье хочется остановиться на т.н. «служилой мелкоте»: 1) своеземцах, 2) городовых подьячих и 3) татарах и новокрещенах.

Отошедшие к Швеции после 1617 г. города и уезды имели свою специфику и в первое столетие московской власти. Пограничный характер этих

---

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 и 2014 гг.

[2] Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000; Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие baijor'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

территорий определял специфику землевладения, складывавшегося на рубеже XV-XVI вв. и связанную с ней структуру общества. Округа Яма, Копорья, Ивангорода, Орешка с этого времени была в значительной части занята небольшими владениями, частью родовыми вотчинами, частью поместьями; их владельцы – как своеземцы, так и вновь получившие земли мелкие служилые люди составляли гарнизоны своих крепостей. Грани между ивангородскими, копорскими, ямгородскими и ореховскими своеземцами и посадскими людьми этих городов не существовало. Вместе с тем специфика службы отличала этих служилых людей от своеземцев других районов Новгородской земли.

В Смуту в Новгородской земле, как и повсеместно, служилая мелкота оказывалась опорой самозванцев[3]. Копорье, Ивангород и Ям в 1608-1611/12 г. служили «царю Дмитрию Ивановичу», признавая сперва тушинское правительство, а позднее – «Псковского вора», движение которого и началось в Ивангороде. После подчинения этой территории шведскими и новгородскими войсками к 1612 г. о городовых своеземцах известно мало. Однако они вновь становятся заметны после 1617 г., когда собственно и начинаются социальные трансформации во вновь возникшем приграничье.

Новгородские своеземцы (земцы), составляя особую группу служилого люда, уже к началу Смуты начали терять свою идентичность, частью сливаясь с городовыми детьми боярскими, частью с приказной средой и служилыми людьми по прибору. Специфической группой были городовые земцы – потомки служилых людей, помещенных в новгородские пригороды на рубеже XV/XVI вв. для несения преимущественно пограничной службы. Ямгородские, копорские, ореховские земцы были активными участниками Смуты на Северо-Западе. Служба их после Столбовского мира была примерно той же, какую исполняли их отцы и деды в XVI в. — посыльная, береговая и проч. Московская бюрократическая традиция продолжают именовать их своеземцами[4].

Показательна судьба ямогородских своеземцев Рыжковых. После Столбовского мира они, как и большинство ямогородцев, остались в Яме. Однако в 1623/24 г. четверо братьев Рыжковых, старшие Степан и Петр с

---

[3] Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II.. М., 2008.

[4] Грамота наместника Нотебурга Нильса Юхансена новгородскому воеводе кн. Д.И.Мезецкому в ответ на грамоту из Новгорода о возвращении перебежчиков. Современный перевод со шведского языка // СПбИИ. Кол. 109. Д. 104.

семьями и два младших братьев, Иван Большой и Иван Меньшой вместе с матерью перешли границу, видимо на реке Луге. Они оставили свою мать в Шелонской пятине, а сами объявились в Москве. Однако из Москвы Рыжковых выслали в Новгород, а оттуда (6 мая 1624 г.) назад в Ингерманландию, во исполнение Столбовского договора. После возвращения ивангородский комендант посадил их в тюрьму в Яме и написал об их бегстве за рубеж королю. В тюрьме Рыжковы сидели десять недель, после чего по королевскому приказу были выпущены и отданы на поруки. Поручителей по старшим братьям, Степане и Петре найти удалось, а двоих Ивашек выпустили без поручной. В 1625/26 г. Степан Рыжков и Иван Меньшой были отправлены в Стокгольм. Перед отъездом Степан Рыжков (чье имя, позднее, в 1636 г., встречается в дипломатической переписке между Новгородом и Нарвой, где он именуется «*ивангородским подьячим*»)[5] просил губернатора Н. А. Маннершельда, чтобы тот отпустил Ивашка Большого (челобитчика) на московскую сторону, где оставалась жить их мать. Она жила в Сомерской волости, у своего зятя сына боярского Макария Плешкова. Маннершельд отпустил Ивана Рыжкова идти куда захочет, и 2 сентября 1626 г. он приехал в Новгород с отпускной грамотой. В ней, написанной, вероятно, по-русски 8 августа 1626 г., было отмечено, что «он здесь у нас не нужен, потому что он неполново разума». Из Новгорода Иван Рыжков был отправлен в Москву в Посольский приказ. Там он в расспросе сказал то же, что и в Новгороде, «*что они по государеву указу четыре их брата, высланы за рубеж в немцы, а мать их для увечья, что она слепа, за рубеж не выслана, и ныне живет в Ноугородцком уезде у зятя своево у ноугородца сына боярсково у Ивана Глотова, а на него на Ивашка на Москве знатцы есть, брат ему двоюродный Онанья Пятин сидит в Поместном приказе в подьячих, и порука по нему на Москве во всяком воровстве будет*» [6]. Примечательно, что он назвал другое имя своего зятя. Онанья же Пятин, служащий подьячим Поместного приказа, также происходил из ямогородских земцев.

---

[5] Грамота новгородского воеводы кн. П.А.Репнина губернатору Ингерманландии Н.А.Маннершельду с претензией, что тот не принял прежний лист и с запросом титулов королевы Кристины. 1636. 3.03 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 573.

[6] Дело по челобитной выходца Ивана Рыжкова о даче ему жалованья за выход. 1626, октября после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1626. Д. 3. Л. 242-250.

В малочисленном населении городов шведской Ингерманландии наблюдается тенденция к унификации социальных статусов, наметившаяся еще в Смуту. Сходные с ямогородскими примеры растворения особого чина своеземцев наблюдается также в Орешке/Нотебурге (Немковы, Гиблые, Верины), видимо в Кореле/Кексгольме. Эти трансформации продолжаись в течение жизни примерно одного поколения после Смуты. Ореховские земцы Немковы переселяются на территорию Московского государства. Если по документам 1619-1620 гг. известен казачий атаман Остафий Немков – активный участник боевых действий под Ладогой 1619 г.[7]; то с конца 1620-х гг. фамилия Немковых занимает прочное сохраняющееся до конца XVII в. место в верхушке ладожского посада. Видимо, похожее движение происходит и с родом ореховцев Гиблых[8]. Иван Верин, еще один ореховский земец, интегрировавшйся в состав новгородского приказного аппарата к 1612 г., смог личным успехом добиться высокого положения. Весной и летом 1619 г. . С. Верин служил в Орешке (Нотебурге). Ему выпало встречать Курдюка Кафтырева и дьяка И. Реткина, посланных московским правительством в Стокгольм и прибывших в Нотебург 21 февраля 1619 г. Согласно документам посольства К. Кафтырева и И. Реткина, именно И. Верин принимал решение о том, как именно встречать московских посланных в отсутствие шведских властей. Он заявил К. Кафтыреву, что назначен к нему в приставы, определил им место для ночлега, а на просьбу послов отпустить их к королю побыстрее отвечал, что «*воеводы у них в городе нет*» и некому выписать грамоту к наместникам крепостей, «*да и не надо, потому что им из Орешка к Выбору и от Выбора по тем городам, на которые им до Стекольны итти от города до города будут приставы бесперeводно и подводы и кормы будут*». Кафтырев и Реткин спросили Верина: «*что он воеводы у себя не сказывает, а в Ладогу к воеводам про пуск их грамоту писал воевода их от себя сам*», на что Верин отвечал, что грамоту писала жена воеводы, а сам воевода ныне в Колывани. Но на следующий день послы вместе с И. С Вериным выехали в

---

[7] Отписки ладожских воевод В.Ф.Неплюева и В.И.Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02-30.03 // СПбИИ, кол. 153. Оп. 1. Д. 52.2.

[8] Подробнее: Селин А.А. Ладожские торговые люди Немковы и Гиблые // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XVIII вв. Сб. материалов науч. конф. СПб., 2001. С. 40-45.

Выборг[9]. 22 августа 1628 г. он, по королевскому письму получил земельные пожалования в Спасском Городенском погосте, которые сохранял и в 1640 г.[10] Личная, чрезвычайно удачная, карьера И. С. Верина, впрочем, никак не отразилась на его потомках, они неизвестны.

После середины 1630-х гг. в источниках не упоминаются земцы-гонцы, приезжающие в Московское царство. Однако представители своеземческих фамилий заметны на приказных должностях в ингерманландских городах. Наблюдения А. И. Пересветова-Мурата (на примере «диака» Исака Торчакова) показывают, что заметная разница между службами городовых подьячих и сельских причетников в 1620-е гг. отсутствовала[11]. Уже с 1620-х гг. возникает необходимость их интеграции в шведскую структуру администрации, сопровождающееся заметным уменьшением численности группы. Одновременно в приграничной Водской пятине своеземческие роды после 1617 г. выбирают сходные стратегии. В структуре московского общества XVII в., характеризующегося большим числом чинов и значительными локальными особенностями, возможных путей для своеземческих карьер было больше: мы находим их и среди софийских приказных (Левские, Белавенские, Тяполковы), и среди городового дворянства (Ласунские), в среде церковных служителей (Усть-Лынские, Хамантовы).

В среде новгородских подьячих уже в начале XVII в. обнаруживается тенденция к возникновению кланов. Среди одновременно служивших в новгородских приказах известны отец с двумя сыновьями (Петр-Башмак Кондратьев, Третьяк Башмаков и Казарин Башмаков), три брата (Иван, Василий и Постник Ананьины дети Заденского), Хамантовы, происходившие из земцев Обонежской пятины и постепенно внедрявшие в приказную среду своих представителей[12], целая семья Лазаревых (Петр Лазарев, Константин и Фока Петровы Лазаревы, Иван Лазарев, Ларион Лазарев). Рассыльщики и посылочные подьячие — это огромная армия мелких служилых людей,

---

[9] РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 8. Л. 262-267.

[10] Jordebocker ofver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1859. С. 215.

[11] Peresvetoff-Morath A. I. Isaak Torčakov – en Ingermanländisk diak // Novgorodiana Stockholmiensia. Stockholm; Novgorod., 2012. S. 80-110 (Stockholm Slavic Papers. 19).

[12] Селин А. А. Ладога при Московских царях. Изд. 3-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2008. С. 16-17.

кормившаяся от дел. В делах Новгородского оккупационного архива встречаются челобитные о пожаловании в рассыльщики в Поместную или Дворцовую избы, сопровождающиеся ссылками на обнищание и невозможность прокормиться.

В 1611-1617 гг., видимо, происходят изменения в служенной этике: приказная служба, даже в нестоличном Новгороде, становится вполне допустимой для низших и средних слоев детей боярских. Вероятно, именно в связи с этим большое число новгородских детей боярских просит зачислить их в рассылочные подьячие (самые низы бюрократии)[13]. Рост социального престижа приказной службы был связан, в частности, с изменениями ее материальных условий. Приблизительно с 1612 г. подьячие «против денежного жалованья» получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими, причем рубль денежного жалования приравнивается к 10 четвертям поместного оклада[14]. Это много: прожиточное поместье вдовы сына боярского составляло 50–100 четвертей, а годовой оклад земского дьячка (они, разумеется поместного жалованья не получали) — 7 рублей[15], оклады же новгородских подьячих средней руки составляли от 80 до 250 четвертей. Замена денежного оклада подьячих поместным воспринималась как временная мера, ср.: «*...дана отдельная грамота подьячему Семену Шустову на Романово поместье Солецкого... как учнут давати государево денежное жалованье, и те пошлинные деньги зачесть в оклад...*»[16]. После Столбовского мира жалованье начали выплачивать; наделение подьячих поместьями прекратилось.

---

[13] Поручная запись по неслуживом сыне боярском Иване Гаврилове сыне Толмачеве о службе в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1612. 20.01 // Riksarkivet, Stockholm (далее – RA). Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – NOA). Serie 2:174. Л. 7; Челобитная неслужилого сына боярского Докучая Степанова сына Мартьянова о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы. 1610. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 62; Челобитная Первого Иванова сына Шибаева о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы 1612/13 (?) // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 64, мн. др. Выражаю свою глубокую признательность Лайле Нордквист за указанные мне документы.

[14] Дело по челобитью о поместье подьячих Васьки Частого и Лариона Лазарева. Ранее 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89.

[15] Приходо-расходные книги государевых денежных доходов при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 16.

[16] Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35.

После 1617 г. численность новгородских приказных несколько упала и, вероятно, падала в течение всего XVII в. (примерно 250 человек в 1611-1616 гг.[17] и около 150 человек в 1699 г.[18]); вместе с тем состав приказной корпорации стабилизируется. Как и в других общественных группах в среде новгородских подьячих происходит наследование должностей детьми и родственниками. Оставшиеся на шведской службе подьячие либо «теряются» источниками (Григорий Собакин), либо осуществляют местную приказную работу в городах Ингерманландии в течение жизни первого поколения; проследить наследование этой службы не удается (ввиду малочисленности самой прослойки).

Третий пример изменений в статусе малой социальной группы демонстрируют новгородские татары и новокрещены. Эта группа возникла в середине XVI в. В результате раздач поместий казанским и астраханским татарам образовались компактные территории, заселенные мусульманским населением; процесс перехода в христианство этой группы был медленным; к 1606 г. среди новгородских служилых татар было 197 новокрещенов и 48 татар-мусульман. В 1608-1612 г. многие из новгородских татар и новокрещенов поддержали тушинское движение. В дни противостояния с московскими силами на Бронницах летом 1614 г. все новгородские татары и новокрещены сохранили верность присяге Карлу Филиппу и остались в Новгороде. Когда в 1616 г. шведские власти усилили давление на новгородцев, принуждая их присягнуть Густаву Адольфу, 13 ноября новгородские новокрещены целовали королю крест, «а татарове шертовали». Впрочем, два новокрещена, Иван Муралеев и Иван Тонаев, от имени всех 26 остававшихся тогда на службе новгородских татар и новокрещенов, давали знать московским послам в Тихвине о своей верности царю Михаилу, в которой они поклялись друг другу: «*служити и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят*». Примером корпоративного единства новгородских татар и новокрещенов может служить история записи новокрещеном Денисом Евгостеевым за себя холопов. 6 января 1616 г. он записал за себя холопов, среди которых одного

---

[17] Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты. СПб., 2008.

[18] Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПбИИ, кол. 115, оп. 1, д. 324.Л. 11 об.-17об.

послужильца — Ивана Курлакова, затем — новокрещена Василия Бабаева и новокрещена Ивана Танаева (у последнего тот жил в бобылях)[19].

Позднее новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, а часть осталась в Ингерманландии, получив небольшие поместья. Но «байоры» из татар практически неизвестны на королевской службе. Только Павел Алабердеев в начале июня 1631 г. с семьей и домочадцами, включая малолетних детей, подъехал к русско-шведской границе с намерением перейти в московское подданство. Его стремление перейти на сторону Москвы было вызвано слухом о том, что «*товарищей ево, детей боярских Никиту Калитина, Василья Чеботаева, Мурата Пересветова, Федоровых детей Аминева и иных мелких детей боярских повезли за море на караблях с женами и детьми*». Однако приграничные власти не пропустили его и, руководствуясь указом новгородских воевод, запер Алабердеева с домочадцами, а также 38 крестьянами-перебежчиками во дворе Зверинского монастыря. 27 июня 1631 г. все они были возвращены шведским властям[20]. Упомянутый Иван Муралеев, назначенный на службу в Копорье, остался в Ингерманландии. Писцовые книги Ижорской земли 1618–1623 гг. называют д. Лапин Конец владением группы татар (Tartarne), д. Забродье — владением троих татар[21].

Судьба одного из новгородских новокрещенов после Столбовского мира была рассмотрена О. А. Курбатовым. В военно-инженерном полку А. Грановского в 1654 г. сотником у «пиунеров» (земляных рабочих) служил бывший новгородский новокрещен Кузьма Иванов сын Исупов. Его отец, Иван Исупов, служил в Новгороде в 1607-1617 гг. После Столбовского мира он ушел в Ингерманландию[22]. К. И. Исупов попал в 1633/34 г. в состав

---

[19] Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 72–73.

[20] Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков. 1631, июля после 14 // Акты Московского государства. 1890. Т. 1. С.330-332.

[21] Jordebocker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1859. С. 107, 108.

[22] Иван Исупов попал в Новгород из Твери в апреле 1607 г. (Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // Дополнения к актам историческим. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73). В июне 1612 г. он находился на службе в Порхове (Приходные книги порховским немецким кормам сбору Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабря – 1612, января // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229–237), а в 1613 г.

шведского посольства в Москву, где сумел сбежать, после чего бил челом о службе, но в Посольском приказе его не стали и слушать, не желая осложнять отношений с Швецией в разгар Смоленской войны. «*...и помнючи я, грешны, свою православную крестьянскую веру и святое крещение, — писал Исупов в челобитной, — отстал от тово посла на Москве и съехал по обещанию своему в Соловецкий монастырь*». На Соловках он устроился в гарнизон пушкарем, а в 1654 г. пришел в Москву, где в ходе подготовки к войне нанялся в полк Грановского[23]. В самом Новгороде вплоть до петровских преобразований сохранялась небольшая прослойка «новгородских татар и новокрещенов»[24].

Подводя предварительный итог исследования судеб малых социальных групп в русско-шведском приграничье XVII в., можно констатировать, что в Московском государстве шло упрощение общественной структуры одновременно с консолидацией внутри сохраняющихся групп/чинов общества. Зафиксированный источниками статус человека или его предка

был послан под Тихвин (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10). К 1615 г. он получил поместье в Керестской волости Грузинского погоста (Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 8, 2–28, 29) и назначен на службу в Водосский острожек на Волхове. 7–9 августа 1615 г. Иван Исупов ходил с П. А. Ногиным и Василием Ушаковым в Ильинский Тигодский погост из Водосского острожка и был послан ими назад в острожек с известием о походе казаков к Сольцам, намеревающихся переправиться в Сольцах через Волхов (Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка 1615, середина августа // RA, NOA. Serie 2:52). В сентябре 1615 г. он поручился за освобождаемого из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева (Челобитная татарина Павла Таребердеева о вызволении из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева и дело по ней. 1615, сент. // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 2–3). В конце июля 1616 г. он несколько раз возил отписки в дворцовый Коростынский погост из Новгорода и обратно (Дело о сборе вишен на государев обиход с Коростынских садов. 1616. 18.07 – 30.07 // RA, NOA. Serie 2: 40. Л. 21–24, 26–27). 8 февраля 1618 г. он прибыл от шведов из Зарецкого острога к московским межевым послам С. Жеребцову с товарищами, укрывшимися на Вяжищах от «литовских людей» (Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294-312, 314, 318-320, 317, 315, 321-334, 336).Его жена и, видимо, мать Кузьмы, Лукерья, упомянута в 1613 г. (Расходные книги государевой хлебной казны... С. 9–10).

[23] Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.

[24] Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПбИИ, кол. 115, оп. 1, д. 324. Л. 17 об.-20.

давал возможность на его сохранение[25]. В Ингерманландии первое поколение оставшихся на территории Шведского королевства своеземцев, приказных, татар и новокрещенов сохраняет своей социальный статус, но уже в 1630-е гг. они (или их дети) находятся в поисках новых социальных стратегий. Данные процессы приблизительно соответствуют тем, что протекали и в среде «байоров».

---

[25] Ярким примером такой борьбы является восстановление своего статуса своеземцами Дубовицкими (Селин А.А. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 319-332).